

ФРАГМЕНТЫ ДИСКУССИЙ

В ходе семинаров и конференции очень часто возникали дискуссии, участники которых не обращали внимания на необходимость называть себя в микрофон, да и вообще забывали о микрофонах. В нашем архиве десятки страниц расшифрованных записей, авторов которых невозможно идентифицировать. Некоторые из реплик, прозвучавших в этих дискуссиях, представлены в этом разделе книги.

О культуре и культурной самоидентификации

- Я не буду определять термин "культура", но хочу сказать следующее. Конечно, происходит взаимодействие культур. Оно происходит на разных уровнях. Например, в Казани перевели на татарский язык Библию. Это есть взаимодействие? Есть. В Москве открыли памятник Махмуду Эсамбаеву. Он, как вы знаете, чеченец. И это большое культурное событие. В то же время, если в одной из столиц наших национальных республик закрывают школу одной из диаспор, и я пишу об этом, то не думаю, что я способствую разжиганию нетолерантности в большей степени, чем когда я пишу о том, что в совершенно русском городе абсолютно русские власти закрывают одну из старейших художественных школ России.

Другое дело, что мы очень мало знаем о том, что происходит в России. А происходит достаточно много интересных и в определенном смысле эффективных вещей. И может быть, знание этих вещей и обобщение реально происходящего даст нам возможность сформировать то, что можно называть культурной политикой. Мне кажется, она должна вырастать из обобщения интеллектуалами тех пусть небольших культурных инициатив, которые уже существуют. Потому что невозможна ситуация, когда соберется группа людей, пусть самых умных в стране, придумает самую прогрессивную идею... Вопрос в том, как ее будут продвигать. Нам, конечно, известны способы продвижения идей, но не хотелось бы возвращаться к этому опыту.

- Первое суждение: под культурой мы понимаем совокупность знаний, ценностей и норм, посредством которых мы с вами, с одной стороны, приспосабливаемся к окружающей среде, с другой стороны - преобразуем окружающую среду, стремясь подчинить ее себе (поскольку мы все-таки цари природы и субъекты истории), с третьей стороны - стремимся с помощью этого набора знаний, ценностей и норм отличаться от других, поскольку внутренне каким-то образом мы хотим обозначить свое детище. И еще мы представляем этот набор знаний, ценностей и норм как некое наше богатство, независимо от того, является он богатством или нет.

Второе суждение связано с тем, что культура есть некая высшая функциональная система, то есть она не создается решением практических земных задач. Более того, культура начинает иногда использовать нас для самореализации, для своей цели. Мы можем быть орудиями или инструментами культуры, являться агентами культурного развития.

- Конечно, я понимаю, что требовать от журналистов точного определения понятия "культура" сложно. Однако вот цитата из газеты: "Если следовать доброй итальянской традиции, то в ночь на первое января необходимо выкинуть из дома всю старую мебель, весь хлам. Но мы, слава богу, не буржуи, мы русские". А итальянцы - буржуи? Еще фраза: "То, что итальянцу хорошо, для нашего человека равносильно смерти". Это что? Почему мне плохо то, что итальянцу хорошо? Поехали дальше: "Поэтому-то мы и не выкидываем нашу старенькую привычную мебель - себе дороже. Поэтому-то и остался на второй срок на посту главы местного самоуправления наш прежний мэр". Журналист пишет каждый день. И то, что он ничего не понимает в определении

культуры, означает лишь то, что он транслирует свои подсознательные определения, накладывая их на традиционные или иные культурные представления. Я почему и требую от него: остановись и дай определение, пусть плохое. Но остановись на минутку! Что ты понимаешь под культурой? А он мне пишет: "Затрудняюсь ответить". Если затрудняешься ответить - ты не должен об этом писать. Вот и весь мой сказ. Если ты об этом пишешь - дай ответ.

- У меня есть предложение: представить, что процесс разделения людей на группы, который всех здесь беспокоит, - это позитивный процесс. Нужно понять, почему люди разделяются. А они разделяются только потому, что у них есть потребность самоидентификации. Найти себя, понять, кто мы. Просто в мире долгое время существовала ситуация некой размытости. И мусульманский мир себя не понимал, и христианский... То есть, по существу, мы оказались в ситуации, когда люди пытаются себя идентифицировать. А самый первый способ себя идентифицировать - это отделить от остальных. И тут же начинаются всякие с этим связанные негативные явления. Если с этой точки зрения смотреть, то это позитивный процесс, потому что сейчас некие социальные группы и сообщества, отделяя себя друг от друга и заявляя об этих различиях, пытаются найти, кто они есть. Может быть, здесь проблема журналистики заключается не в том, чтобы смазывать эти взаимоотношения идеологических культур. Их все равно нельзя вместе свести. Потому что как только мы все сводим вместе - это разрушается. Мне кажется, тут позиция журналиста - создавать то, к чему можно присоединиться. Потому что какие у нас сейчас виды самоидентификации? Либо территориальная, либо национальная, либо социальная. Может быть, позиция журналиста была бы хороша, если бы создавались какие-то дополнительные идеологии, дополнительная культурная самоидентификация, к которой я мог бы присоединиться, и мне не нужно было бы присоединяться к некой группе. Чтобы я понимал, что территория - это для меня неинтересно, и кто я по национальности - тоже роли не играет.

- Культурная самоидентификация существует. Например, актуальное искусство можно считать признаком, о котором Вы говорите.

- Она существует для Вас, но не существует для всех остальных. Почему они так друг с другом воюют? Журналисты смогли донести до людей, что существуют какие-то другие формы самоидентификации, другие формы общения? Так, чтобы мы создавали группы и были внутри них? Этого никто не знает. Поэтому на более низком уровне идут конфликты. Делятся по национальности, по территории, по сословию. А что есть кроме этого - никто не знает. И никто не создает. И журналисты пытаются углубиться в проблемы и не понимают, что есть некие "над-вещи", которые им, в том числе, нужно создавать вместе с культурологами, вместе с идеологами и с кем-то еще. Если мы этого не учитываем, то здесь и возникают проблемы. Мы просто боремся, а с чем мы боремся? Нужно создавать. Вот такая позиция.

- Если объединить то, что здесь говорилось, то мы сейчас находимся на развилке между традиционными формами идентичности и некими переходными, которые, в конце концов, заканчиваются индивидуальной идентичностью: я есть я, а уж к кому я прислонюсь в данный момент - это мои личные проблемы. Я не обязан прислоняться ни к этнической, ни к религиозной, ни к социальной группе, к которым я принадлежу по рождению. Я могу выбирать. И это и есть главный вектор развития всех этих процессов.

О толерантности и терпимости

- Самый плохой из всех существующих перевод слова "толерантность" терпимость - один из самых распространенных в России. Александр Асмолов - один из тех, кто

десятилетия говорит: давайте не сводить толерантность к терпимости. В самом деле: там, где возникает тень терпимости, о толерантности говорить трудно. Если я тебя терплю, - откуда же отношение к тебе как к равному мне, важному для меня лично? Толерантность - это, прежде всего, попытка выстроить такую рамку, в которой я тебя пойму, а ты меня поймешь. Мы вступаем в некую коммуникацию, и мы в ней заведомо равные люди. Тут - никакой терпимости.

На мой взгляд, это переосмысление понятия (а у нас еще лет пять назад "толерантность" как "терпимость" всплывала в МИДовских переводах) означает некое цивилизационное продвижение, но с обратным знаком. Серьезный цивилизационный слом обозначили события 11 сентября. Эта ситуация миллионы людей заставила задуматься о том, что мы все дружно, а не только американцы, куда-то очень сильно не успели. Что мы вляпались в такую кашу, из которой, может, не удастся выползти на протяжении жизни ныне живущих. Мы говорили о национальном сознании и его особенностях, мы говорили о религиозных особенностях, призывали понимать и ценить мультикультурные отличия. А потом случилось 11 сентября. И те, кто говорил о толерантности, услышали от тех, к кому прежде обращались со своими "проповедями": все, ребята, вы свое отговорили.

Мир дошел, как видите, до определенного рубежа. Пора понять, что мы имеем дело с конфликтом цивилизаций, с конфликтом религий, с ситуацией, из которой простого выхода не предвидится. Возник некий феномен, с которым надо разбираться. Требовать в этой новой, смутной ситуации от журналиста того, чтобы он был человеком, занимающим определенную позицию (не по поводу отношения к событиям 11 сентября, разумеется, но по поводу будущего межсистемных контактов), я, например, не могу.

- Здесь возникает один существенный момент, новая профессиональная развилка. "Развилка" вообще-то - традиционный сказочный образ, обозначение точки бифуркации, разделения времени и событий, необходимости или хотя бы возможности выбора. Направо пойдешь, налево пойдешь: выбор судьбы за выбором дороги.

В нормальной, "штатной" ситуации человечество живет в режиме движения сразу по многим направлениям: не проходя испытаний суперразвилками, - вроде той, что случилась 11 сентября. Идя по многим направлениям, опробуя сразу тысячи путей, человечество как бы минимизирует цивилизационный риск: где-то зашли в тупик, но где-то обнаружили и пять выходов из него. Но это - в "штатном" режиме. 11 сентября - это именно суперразвилка, признак нештатной ситуации. Сигнал для всех, в том числе для нас: достаточно ли серьезно думаем, понимаем ли, куда и как идем? С исламом, скажем, как будем дальше взаимодействовать? Будем превращать "исламиста" в пугало или будем предохраняться от военно-полевых клише? Наш журналист когда-нибудь начнет хотя бы предпринимать попытки разобраться в исламе, упоминаемом всуе?

На волне готовности граждан к закручиванию гаек (символ "порядка") попытаемся ли сосредоточиться на полномасштабном саморегулировании как способе противостояния вероятному ужесточению тенденций государственного регулирования медийного пространства - или поддадимся призывам к самоцензуре как способу защиты толерантности, в том числе? А тут ведь уже и для введения новой госцензуры оправдание просматривается, вполне благопристойное по форме: в целях защиты граждан и общества от разного рода интолерантных, экстремистских выбросов, в интересах укрепления и защиты свободы слова, противостояния злоупотребления этой свободой...

- Я как раз против лобовых постановок вопроса о толерантности. Призыв "Давайте жить

дружно" на самом деле давно не работает нигде. Но заметим: есть некий фундамент, на котором стоит так называемая западная цивилизация. Это большой культурный комплекс, в котором толерантность - одна из обязательных составляющих, без нее нет демократии. Но там природа толерантности органична: уважение к другому опирается на самоуважение, на уважение к вам государства: так теперь уже по традиции выстроены ваши отношения с государством и с другими людьми. Вы - суверенная личность, основа мироздания. Так было. А как будет? Там, где под давлением терроризма договариваются до того, что соглашаются ограничить суверенность личности, начинает размываться фундамент цивилизации. Одной из цивилизаций, по крайней мере, - той, на которую опиралась вся культура толерантности, свобода прессы. Если сегодня вы готовы ограничить себя - значит, завтра можно ограничивать прессу. Завтра окажется, что вам ваша профессиональная культура, ваша профессиональная мораль вроде бы как и не нужна, - потому как первое и главное требование будет звучать, и для журналиста тоже, категорически: "Руководствуйся нормой закона". Что делать в такой ситуации? Поощрять дискуссию по сложным вопросам, в том числе мировоззренческим, рискуя большим, чем неудовольствие власти (которой дискуссии заведомо малоинтересны), - или воспитывать в себе квалифицированных цензоров? Учет "фактора 11 сентября" переводит этот вопрос из категории простых и понятных в категорию повышено актуальных и, увы, открытых. Мой ответ на него - поощрять дискуссию, отвечая за ее качество. Что означает, в том числе, - не передоверяя место модератора в ней "демонам реванша", не оставляя шанса тем, кто готов сыграть на новых рисках и новых страхах собственную партию.

- Мне кажется, что понятие 11 сентября как переломной даты - это не совсем относится к нам, к нашему обществу. Для мира это переломная дата. Мы туда, как обычно, вляпались раньше. Вы ведь понимаете, что чеченская война - это ровно та же самая борьба с терроризмом, которую сейчас ведут США в Афганистане. Это ровно та постановка проблема, только в мировом масштабе. Стало быть, мы там уже какое-то время барахтались, это стало откровением для всего остального мира. Весь мир точно так же столкнулся сейчас с проблемой борьбы цивилизаций, столкновения цивилизаций. Мы слышали, что премьер-министр Италии говорил: мы легко накидаем этим террористам-экстремистам, потому что наша западная цивилизация превосходит их восточную, исламскую. Самым хитрым или самым умным оказался Буш: он слова "ислам" даже не произносил, он упорно озвучивал то, что ему рекомендовали, и это правильно - он борется с терроризмом. Он нигде не говорит, что с арабским. Наоборот, он везде повторяет: "Наши друзья-арабы поддержат нас в этой борьбе". Это абсолютно правильная стратегия и тактика. Но я к тому, что мир только сейчас столкнулся с этой проблемой. Мы там находимся уже давно.

Вспомним то, что происходило в России во время гражданской войны в Югославии, когда выплескивалась идея славянского братства. Хотя и на территории нашей страны проживают не только славяне. И большего лицемерия, чем постановка вопроса о славянском братстве с югославами, сложно найти до тех пор, пока у нас нет ясности со славянским братством с Украиной, с Белоруссией. То есть, не разобравшись в собственном доме, мы пытаемся выходить на простор и вносить свои ценности в мир, не определившись с ними сами.

- Мне кажется, что целый ряд вопросов здесь - это вопросы риторического характера, чтобы привлечь внимание к проблеме. Нет даже повода, чтобы оспаривать, что поставить цензорские рамки - это один вариант, и не лучший. Но мы действительно наблюдаем в той же Америке процесс наступления на права и свободы граждан в их понимании, и нельзя сказать, что общество аплодирует этому. Да, есть движение со стороны государства, но это явление уже получило свое определение как "неомаккартизм" и уже вызывает сугубо отрицательную реакцию, направленную на защиту тех прав и свобод, которые дают возможность родному брату Усамы бен

Ладена выбрать другие ценности и вести нормальный образ жизни. Возможность делать выбор - это одна из самых больших ценностей западной цивилизации. И многие явления, с которыми мы сталкиваемся, уходят корнями к тому правовому, нравственному нигилизму, который семьдесят лет процветал на нашей территории, когда от семидесяти тысяч заключенных мы перешли в 2001 году, по данным Минюста, к одному миллиону заключенных. Вот шаги нашей цивилизации. Я не предлагаю ждать еще сто лет, когда все стабилизируется. Без сомнения, и те шаги, которые Союз журналистов предпринимает, разрабатывая нормы журналистской этики, и то, что делается в университетах, - это правильно. Какие-то вещи должны быть просто частью журналистского образования и закладываться изначально.

- Я вообще не верю в толерантность как терпимость. У меня толерантность - совместный поиск истины, и в этом поиске можно сильно ругаться. Но если ты рассчитываешь на то, что ты добьешься понимания, то никакая ругань тебе не будет мешать. А если мы говорим "не оскорби его", то эта игра не для меня и не для многих из вас. Мы серьезно хотим сохранить благожелательную атмосферу. А на самом-то деле речь идет о другом - о том, что в сложной, трудно определяемой ситуации мы должны найти способ самоопределения: и для цивилизации, и для общества, и для себя лично. И тогда придет чувство собственного достоинства.

О гусеницах и бабочках

- Здесь возникал вопрос о необходимости давать точные определения тем предметам, о которых идет разговор. Однако что я могу определить, когда у меня предмет плывет в руках, он меняется у меня на глазах. Помните тот мультфильм с космическим каким-то чудовищем, которое все время перевоплощалось? Мы с вами все вместе попали в ситуацию, когда все предметы плывут. Я не могу их определить. Этот человек был вчера совершенно замечательный, а сегодня он получил что-то вроде наследства и стал совсем другим. Он когда был определяемый: вчера, сегодня или между?

Когда гусеница знает, что она гусеница, она себя чувствует очень хорошо. Когда это существо летает как бабочка, оно, наверное, тоже знает, что оно бабочка. Но в процессе перехода оно кто? Мы с вами все вместе в процессе некоего перехода: я не знаю, откуда, куда.

Моя мысль очень проста. Разлом эпох, разлом цивилизаций внутри каждого из нас. Один это чувствует, другой это понимает. Третий - не чувствует и не понимает, но уже об этом говорит. И вот эта внутренняя попытка самоопределиться постоянно реализуется в виде раздражения, гнева и протеста. Я вообще не понимаю, кто есть каждый из нас.

Да, вроде бы вчера был порядочный человек, а сегодня явно что-то делает не то. Но вот что? По вчерашней морали так нельзя, но уже есть завтрашняя мораль, которая тебя оправдывает, и ты ее уже ощущаешь. Ты не знаешь, как это назвать, и не знаешь, как сформулировать. Так вот, это внутренний излом, который сидит в сердцевине культуры. Вся та культура, в которой мы формировались, набор стандартов, стереотипов моделей поведения и мышления, который мы впитали с молоком матери, весь этот набор - хлам. Вот мы с вами внутри себя знаем, что это уже хлам. Но страшно от этого отказаться.

Следовательно, все, что мы имеем сейчас на уровне ощущаемых фактов, на уровне тенденций - это проявление очень глубокой закономерности. Один раз в три тысячи лет, может, такое происходит. Слом мировой культуры. И еще. Мы все ужасно боимся тех бабочек, которые вылупятся из этих странных куколок. Тот разброс и шатание миллионов людей, которые бросают свою нишу, уходят из дома - это симптом отказа от

прошлой культуры. Эти люди знают, что так жить, как жили вчера, уже нельзя. Как жить завтра - никто не знает.

- Вот Вы этот образ нам предложили: куколка - бабочка. При этом Вы сказали, что мы люди этой цивилизации и еще не избавились от наследия той цивилизации. Я не могу согласиться и не могу принять, что я все то, что мне в детстве и в юности внушали, то, с чем я росла, должна сегодня забыть, отвергнуть и нечто новое для себя принять. Бабочка-то появится из кокона, в который превратилась гусеница. То есть здесь наблюдается генетическая преемственность. Вот какая она, эта бабочка, будет?

- Я хочу сказать, что вся предыдущая цивилизация, абсолютно вся, опиралась на глубинную категорию стабильности. Все было стабильно или должно было быть таким. Посади дерево, построй дом, вырасти сына. Создаешь себе среду - ты должен ее сделать устойчивой, этот дом должен стоять. Твой сын должен продолжить тебя. Куколка - это стабильность. Главный смысл бытия бабочки - изменчивость. Она существует только в полете, в динамике.

Конечно, бабочка несет в себе какую-то генетику бывшей куколки. Наверное, там гены те же, но по смыслу жизни - это принципиально иное существо, оно постоянно рискует, оно постоянно летит, оно надрывается, а не сидит на месте и не ждет, пока оно во что-то превратится. Вот в этом разница.

- У нас тут два дня витал образ бабочки. Этот образ бабочки по сложной системе ассоциаций вывел меня на воспоминания о рассказе Рэя Бредбери "Кокон". Суть его заключается в том, что человек вдруг превратился в кокон, сохраняя внутри некие признаки жизни. И вышел из этого кокона, обновленный вечностью, со сверхспособностями. И второй рассказ, который я в этой же связи вспомнила по поводу притчи, рассказанной Иосифом Михайловичем, что солнце взойдет. Тоже рассказ Бредбери, который называется "Будет ласковый дождь". Суть этого рассказа в следующем. Произошел взрыв нейтронной бомбы, и дом, который сам собой управлял, продолжил работать, продолжил функционировать, но уже без людей. Смысл этого рассказа заключается в том, что если мы не изменимся, то ласковый дождь будет, но уже без нас.

Мне кажется, что журналисты должны стать теми существами, которые вылупились из кокона с лично осознанной идеей толерантности. То есть все, что говорилось на семинарах, все, что говорится на этой конференции, все, что будет запечатлено в нашей книге, останется словами, пока каждый из нас не пропустит эти идеи через себя, лично не осознает, это не станет внутренне присущим ему качеством. И дальше, на мой взгляд, эта идея должна быть донесена журналистом до общества, до людей, до власти, до чиновников, до кого угодно. Мое глубокое убеждение заключается в том, что любая идея остается сотрясанием воздуха до той поры, пока она не станет лично осознанной, пропущенной через человека. Точно так же, как проблемы Чечни, я думаю, становятся действительно актуальными, действительно острыми только в том случае, когда человек понимает, что это не проблема какой-то там Чечни, находящейся на далеком Северном Кавказе. Что это те самые глобальные проблемы, без решения которых ласковый дождь пройдет без нас.

"А напоследок я скажу..."

- Я хотела бы высказаться по поводу слова, которое здесь часто звучало, - кураж. Дело в том, что при всем смысловом единстве этого слова, - что такое кураж, вроде бы, мы все знаем, - на мой взгляд, существует два совершенно разных аспекта. Кураж - нечистая сила куражится, бес куражится. И кураж - задор, некий профессиональный задор, без которого невозможно реализовать качественно собственную

профессиональную деятельность. Я, например, совершенно точно знаю, что человек начинает плохо работать, когда у него нет куража, когда у него пропадает кураж. Поэтому в этом смысле здесь говорилось о кураже, а вовсе не о том, чтобы покуражиться над властью, покуражиться над инакими, покуражиться над людьми, которые чем-то на нас непохожи. Кураж должен быть выражением своей личной позиции. И когда профессионально человек работает и не утрачивает этого куража, он как раз эту свою личность, осознанность проблематики предъявляет человеку так, что тот понимает - это действительно так. Это не заказано, это не продиктовано кем-то, журналист выражает свою позицию, свою точку зрения. На мой взгляд, только таким образом может работать социально-ответственный журналист, журналист в гражданском обществе, за становление которого мы боремся уже много лет.

- Самое главное, что, на мой взгляд, здесь произошло - мы перестали бояться. Да, американизация. Да, у них китаизация, латинизация, те же самые проблемы, на самом деле. Не надо этого бояться, не нужно в ужасе приседать и закрывать глаза руками. Нужно открыть глаза, нужно посмотреть на это все. Вы знаете, когда я в свое время попала в первый раз на казачий праздник, меня поразила одна элементарная вещь. Перед тем, как начинается битва, стенка на стенку, участники встают кругом, друг около друга, руки на плечи, а после этого разворачиваются, и пошла работа. Так вот, мы с вами постояли в кругу. Мы подержали руки на плечах, мы посмотрели друг другу в глаза, теперь пришло время развернуться и приняться за работу. И самое главное, чтобы то, что у нас здесь проговорилось, то, что у нас здесь родилось, не ушло, чтобы это наше отражение в каких-то материальных, конкретных задачах.